"Пока у тебя есть мужественный дух, неважно, какая у тебя причуда!".

Ни одно предложение или фраза не вдохновляли Эйдзиро Киришиму так сильно, как те, что произносил рыцарский герой: Багровый Бунт. С такой звездной репутацией бесстрашного и безрассудного человека, да еще и обладающего квиркой типа "Закалка", как Киришима мог не равняться на него? Как Киришима мог не стремиться стать таким же героем, как он, бежать сломя голову навстречу опасности, сражаться и спасать людей, не испытывая ни малейшего страха, охватывающего его сердце и разум?

Но те же самые слова, которые посеяли семена надежды и глубокое стремление к героизму, также принесли с собой облака сомнений, которые сгущались вокруг его разума всякий раз, когда он смотрел внутрь себя. Это были слова, которые он снова и снова пытался принять на протяжении многих лет, особенно когда приближалось время выбора средней школы, а значит, и его будущего.

Действительно ли Киришима верил в слова Багровый бунт? Действительно ли они нашли отклик в его сердце... или все это было лишь фасадом, маской, прикрывающей то, чего он действительно хотел, подобно тому, как он считал свою браваду и покладистый характер маской для своей настоящей, трусливой сущности?

Действительно ли причуды не имели значения в эпоху, когда броскость и популярность имели первостепенное значение для профессиональных героев? Может ли он, с его унылой историей, надеяться подняться до уровня тех героев, которых он так высоко ценил, таких как Багровый бунт и Всемогущий? Или он будет обречен на судьбу унылой посредственности, посредственного героя со скучной, простой, безвкусной Закаляющей Причудой?

И даже если его причуда не имела значения в великой схеме вещей, то, конечно, его вечный страх, который, казалось, течет по его венам так же густо, как кровь, имел значение? Мужественный дух. Страх и сожаление. Они казались такими... противоречивыми. Даже взаимоисключающими. Киришима не раз задавал себе вопрос, можно ли иметь так называемый мужественный дух и при этом испытывать страх. И только после одного случая он пришел к выводу: нет.

Друзья Ашидо были в опасности. Киришима отчетливо помнил, как девушки, прижавшись спиной к стене, трусили и дрожали, когда этот громоздкий человек в плаще возвышался над ними со своими требованиями. Он вспомнил их ошеломленное молчание и последующую обиду мужчины. Он вспомнил гнев мужчины, который обрушился на здание перед ним, размалывая кирпич и гранит в пыль на своей ладони, как будто они были хрупкими на ощупь.

Но самым поразительным было ощущение скованности в ногах, руках, во рту, во всем теле! Ужас охватил каждый мускул его существа, лишив его неподвижности, неспособности хоть как-то помочь или пошевелиться. Если бы Ашидо не появилась в тот момент, когда она появилась, и не положила конец противостоянию своим обманным маневром... Киришима не хотел думать о том, что могло бы произойти.

Но он все равно думал. И мысли о том, что могло бы случиться, были столь же поразительно яркими, как и воспоминания о том, что произошло на самом деле.

Тч. Забудьте о тупости его квирка. Киришима полагал, что может научиться мириться с ролью безвкусного героя низшего звена, если решит, что его устроит жизнь в этом качестве. Нет, скука была наименьшей из его проблем. Человек все равно мог стать законным Pro Hero, даже если он был скучным, или, по крайней мере, мог, даже если остальные воспринимали его как скучного.

Но мог ли человек стать героем-профессионалом, даже если он был трусом? Может ли такой трус, как он, стать Профессиональным Героем?

"Киришима?" Голос Ашидо пробился сквозь его меланхоличные размышления. "Ты в порядке?"

Киришима моргнул и вдруг обнаружил, что смотрит на зеленый металлический корпус своего шкафчика. Как долго он стоял там со своей сумкой и учебниками в руках, уставившись в пространство, словно кататоник? Он повернул голову и увидел Ашидо, которая стояла сбоку от него и смотрела на него с беспокойством в глазах.

Ее глаза.

Ярко-желтые радужные глаза, сверлящие его, еще больше усиливались благодаря черной склере, в которой они находились. Они казались не просто обеспокоенными, они казались знающими. Как бы Киришима ни думал, что может потеряться в этих глубоких, глубоких глазах на долгие часы, они несли в себе интенсивность, которая оказалась слишком сильной, чтобы он мог задерживать на них взгляд дольше секунды. Это была интенсивность, которую он хотел бы иметь в своих собственных глазах, в своем собственном духе.

"Я в порядке", - соврал Киришима сквозь оскаленные зубы, насильно отворачиваясь.

"Это выражение твоего лица говорит об обратном", - сказал Ашидо, положив руки на бедра. "Ты все еще размышляешь над своим отчетом о стремлении? Они должны быть сданы в конце недели, и я знаю, что ты один из единственных, кто еще не сдал его".

"Что? Нет!" возразил Киришима. "Я уже решил!"

"Вот как? А где ты думал?" сказал Ашидо с ухмылкой. "Ты планируешь поехать со мной в U.A.?"

"Э... нет, нет, я думал о Doroido Technical с другими моими друзьями", - усмехнулся Киришима и снова соврал сквозь зубы, скомканный отчет об аспирации вдруг стал необъяснимо тяжелым в его кармане.

"О, как жаль", - сказал Ашидо. "Не-эмо Киришима был бы как дома в U.A., я уверен в этом!"

"Как скажешь", - Киришима принужденно усмехнулся и повернулся, чтобы уйти, но розовая рука опустилась на его плечо, заставив его остановиться и вздрогнуть.

"Киришима, правда", - почти умоляюще сказал Ашидо. "Ты уверен, что с тобой все в порядке? Ты всегда можешь поговорить со мной..."

"Я в порядке!" воскликнул Киришима, резко отстраняясь, чтобы отделить свое плечо от ее тонкой руки. "Я просто... не хочу опоздать на урок!"

Ее напряженный взгляд на его вялый затылок. Ее гладкая, нежная рука на его твердом, остром плече. Он чувствует такой восторг, когда сталкивается с этими ощущениями, и одновременно желает, чтобы Ашидо не тратила на него такие взаимодействия.

Она ему нравится. Она очень, очень нравится ему. Но он не может сравниться с ней, не говоря уже о том, чтобы быть в ее лиге. Она ослепительна и интересна. Он тусклый и скучный. Она гладкая и нежная. Он непривлекателен и груб. Она героическая. Он труслив.

Она ему нравится. Но в глубине души он может признать, что в какой-то степени завидует ей. В его понимании Мина Ашидо - это действительно все, чем он не является.

А потом он находит голограммный проектор.

В порыве ярости и ненависти к себе он бросил книгу на книжную полку, в результате чего проектор упал на пол и активировался. Там он стал свидетелем того самого записанного интервью с Багровым бунтом, благодаря которому он стал его поклонником.

На этот раз слова Багровый бунт и то, о чем он говорил, заставили Киришиму задуматься. Они заставили его задуматься более тщательно, чем тогда, когда он был еще ребенком, ищущим героя, и заставили его сомневаться.

Однако он не сомневался в себе; он начал сомневаться в своих собственных сомнениях в себе.

Это была освежающая доза ясности, когда его якобы бесстрашный кумир без тени стыда признался, что постоянно испытывает страх, когда бросается в самое пекло битвы и трагедии. Мало того, он прямо осуждал любого, кто утверждал, что лишен страха.

"Что такое "мужественный дух"? Это отношение, которое человек несет в самой своей душе!" Киришима вспомнил возвышенные слова Багрового бунта. "Это не имеет ничего общего с уверенностью или бесстрашием! Я бросаюсь в опасность, чтобы спасти людей, потому что я решил стать героем! Я принял это решение, поэтому я должен следовать ему, несмотря ни на что! Никаких сожалений! Это и есть мужской дух: жизнь, прожитая без сожалений!".

С воодушевлением в сердце Киришима достал скомканный отчет о стремлении и расправил его

на столе ладонью. Он переписал U.A на бланке, но тут же приостановился.

Не слишком ли он поторопился?

http://tl.rulate.ru/book/55592/1517840